

Виктория ДОВЖИК

БУДНИ ЧОКНУТОЙ СЕМЕЙКИ

(Главы из повести)

* * *

« — Лиэсса, что ты со мной творишь? — вздохнул Вест и бережно обнял хрупкие плечи колдуньи. Девушка подняла голову и утонула в бездонных фиалковых глазах Повелителя эльфов. Сил, чтобы сопротивляться этому вечному как сама Вселенная зову, не осталось. Вест наклонился и обжег поцелуем ее раскрытые губы. Колени у Лиэссы подкосились, она пошатнулась и эльф подхватил ее на руки.

— Нет! — Лиэсса уперлась в грудь эльфа кулачками. — Поставь меня! Если я сейчас поддамся твоему очарованию, мне никогда не удастся пробудить в себе огненную птицу! И я не смогу раскрыть крылья магии, чтобы помочь своей стране справиться с Горэдосом! Отойди от меня, Вестониэль!».

Бамс! — тяжелая книга стукнула Капу по носу и взмахнув раскрытыми страницами, свалилась на пол. Щурясь под прицельным светом ночника, она попыталась дотянуться до лежащего на подоконнике мобильного. Хотя, какая разница, два часа ночи сейчас или три? Немилосердно тянуло в сон, но еще больше хотелось узнать, что герои, наконец-то, перешли от жарких взглядов и редких мимолетных поцелуев к активным действиям. Может, хоть одну главу прочитать, ну, хоть пару страничек? Капа вздохнула и закрыла глаза. Утром опять придется изображать из себя помесь пионерского горна с гудком парохода, поднимая мелких на подвиг. Так. Что она забыла? Мысли свернули с книжного сюжета на привычные утренние хлопоты. Аськину блузку не погладила с вечера. Придется встать на десять минут раньше. Капа вздохнула, представляя себя сонную утром. Ужас. Напомнить про сменку, Родьке халат для уроков труда найти... Кеды. Какие кеды? Капа поняла, что засыпает и, пошарив по стене, дернула шнурок с пластиковой пуговкой на конце. Со щелчком комната исчезла, остался только старый продавленный диван и ночные привычные звуки.

Темнота в квартире привычно сопела, храпела и дышала, в углу за шкафом тихо копошилась мышь. Кошку найти бы и сунуть на рабочее место, но ведь сбежит через пять минут, лентяйка, завалится спать на голове у кого-нибудь из детей. Капа повернулась на бок, закапываясь поглубже в одеяло. Нужно бы книгу поднять, вдруг страницы помялись, но шевелиться совсем не хотелось. Во дворе мягко заурчал мотор, кто-то из припозднившихся соседей спешил домой. По темному потолку поползла узорчатая полоска света и подмигнув на прощанье, исчезла. Мысли начали путаться, мягкая легкая тьма наполнила Капу до краев, тело ее стало невесомым и она уже начала уплывать в страну снов, но тут все завертелось вокруг стремительной каруселью, руки и ноги налились свинцовой тяжестью, а сердце пустилось вскачь испуганным жеребенком. Капу вдавило в диван, она поняла, что стремительно проваливается сквозь постель и попыталась заорать.

Выдавив из себя полузадушенный писк, Капа свалилась с дивана и рывком села. Комната раскачивалась, предметы двоились и плыли в темноте туманными силуэтами. Очень хотелось позвать на помощь, и Капе пришлось надавать себе мысленных пощечин, чтобы не разбудить детей и всю округу. Это сон, просто сон и совсем не нужно вспоминать симптомы инфаркта или инсульта из статьи в бесплатной газетенке про здоровье. Капа прижала вспотевшие ладошки к глазам и попыталась дышать спокойно и размеренно. Все хорошо. Просто ты, мать, заработалась. Отдыхать нужно и спать по ночам, а не дурацкие книжки про эльфов читать. Мелькнула мысль про обследование, но Капа, как обычно, отогнала ее в безвременное «потом» и прислушавшись к себе, почувствовала, что сердце больше не стучит в висках и дышать стало намного легче. Поморгав, она встряхнула пару раз головой, чтобы удостовериться, что головокружение прошло и с ужасом поняла, что это не ее комната.

Нет в ней знакомых до последней царапины книжных полок и старого дивана с простеганной ромбами спинкой, а полночная темнота за пару минут успела смениться предрассветными серыми сумерками. Капа огляделась. Заставленная темными громоздкими шкафами

маленькая комната. Вроде бы ничего страшного. В углу тикают ходики, парусом надувается светлая штора на открытой стеклянной двери. За ней видна плотная зелень ветвей на фоне серого предутреннего неба. И все ужасающе настоящее, осязаемое и абсолютно чужое. Даже запах какой-то непривычный. Пахнет сыростью и сеном, что ли. От открытой двери тянет свежестью и босые Капины ноги уже успели озябнуть на холодном полу. Капа поджала ступни и попыталась прикрыть колени растянутой футболкой, которую она обычно носила вместо ночнушки. А потом поздравила себя с самым невыносимым, что могло с ней случиться — с «попаданством». Потому что на обычный сон это никак не было похоже. От идиотизма ситуации Капу пробило на смех и она уже хотела побиться головой об стенку, чтобы прийти в себя и прекратить истерику, как вдруг одеяла на кровати зашевелились, из них, кряхтя и зевая, вылез толстый лысый мужик. И уставился на Капу круглыми от удивления глазами.

Капа заорала во всю силу никогда не знавших никотина легких. Ни ее детей, ни соседей, по всей вероятности вокруг не было и поэтому стесняться с выражением чувств она не стала. Толстяк тут же к ней присоединился. С выпученными глазами и распахнутым ртом он был очень похож на вытащенного из воды карпа. Больно ударившись затылком об стенку, Капа поняла, что все время, пока они с мужиком так замечательно орали дуэтом, она отползала от постели. Тихонько, впритирку к стеночке, стараясь не поворачиваться к кровати спиной она поползла к двери. Толстяк зашевелился и протянул руку к плетенному столику возле кровати. Взвизгнув, Капа ринулась в открытую дверь. Проверять, что лежит на столике, очки, валидол или пистолет у нее не было никакого желания.

Небо было покрыто нежными перистыми облачками, расцвеченными в самые красивые цвета, от жемчужно-серого до светло-розового с оранжеватым отливом на востоке. В другое время Капа обязательно полюбовалась бы этим чудом, но сейчас ей не было никакого дела до красот природы. Спрятавшись за кустами на околице на манер партизана, высматривающего, есть ли в селе фри-

цы, она изучала просыпающуюся деревню. На первый взгляд, деревня была самая обычная. Совсем как какое-нибудь село под Николаевом или Краснодаром. Белые домики под шиферными крышами. Перед ними палисадники с какими-то цветами и заборчики с калитками. Пыльная, посыпанная гравием дорога уходила в поля. Что именно селяне там выращивали видно не было, а выходить на открытое место Капа боялась. Деревня просыпалась после короткой летней ночи, голосили петухи, где-то замычала корова.

Капа отогнула ветку, которая мешала ей разглядеть по-лучше дальний край деревни. Тут же на руку сел раскормленный непуганый комар. Что-что, а комары здесь были совсем как дома. Еще когда Капа, выскочив из дома толстяка, неслась по дороге неизвестно куда, они приняли ее как родную. А может как новое экзотическое блюдо. Кровью Капы комары не травились и в страшных муках не умирали. Значит, жизнь здесь была самая что ни на есть белковая. И это определенно радовало. Очутиться в мире, где белковому существу даже есть нечего, не хотелось.

Очнувшись от размышлений, Капа смахнула кровопийцу с руки. Ветка, которую она до этого держала, распрямившись, больно ударила ее по лицу. Куст закачался, тучи комаров взмыли вверх и закружились над несчастной Капой. Она опасливо посмотрела вверх и отошла от комариного облака подальше. А потом села на траву и попыталась собрать разбегающиеся мысли в кучку. Легче всего было бы предположить, что все это сон или галлюцинация. Что Капа просто перечитала всяких книг про попаданок и ей все это кажется. Но покусанные комарами лодыжки сильно чесались и ныл большой палец на правой ноге, которым Капа ударилась о камень, когда бежала по деревне. Да и гравий на дороге ее босым пяткам не слишком понравился. А еще на память о посещении спальни толстяка у Капы осталась занавеска, в которой она запуталась и случайно сдернула с двери, когда ринулась, не разбирая дороги прочь из его дома. Капа сделала из нее что-то вроде юбки. Все таки растянутая футболка, едва прикрывающая ляжки, не самая приличная одежда. Занавеска была желтоватая, мягкая на ощупь, очень

похожая на обычную марлю. Капа потуже затянула узел на животе и принялась размышлять. Она чувствует боль, слышит звуки и ощущает запахи. Ей холодно и очень хочется пить. А еще она только что сходила пописать за соседний кустик. И эта реальность совсем не похожа на ее дом. Значит, Капу непонятно какая сила куда-то забросила. И тут возможны варианты. Может, ее просто перенесло в пространстве и это родная планета, и даже родная страна. Или, что вероятнее всего, ее занесло в другое время. Все-таки здесь не было никаких признаков осени, а дома Капа уже давно спрятала летнюю одежду и выдала чадам куртки. При мысли о детях Капе стало плохо. Вся ее решимость быть сильной даже в такой невероятной ситуации рассыпалась к чертям собачьим и Капа просидела какое-то время, вспоминая детей и отчаянно мечтая немедленно проснуться в своей кровати. Но, видимо, могущественные силы или какая-то непонятная хрень, которая перебросила Капу сюда, не спешили подчиняться ее желаниям и поэтому ей в конце концов пришлось встать и продолжить исследование места, в которое она попала. Трава, кусты и деревья вокруг выглядели смутно знакомыми. Из всей этой ботаники Капа точно опознала густые заросли крапивы и кусты с волчьими ягодами. Хотя, волчьи ягоды, кажется, черненькие. А эти темно-синие, с сизоватым налетом. Но листья точно похожи. А вот в деревне было что-то неправильное. И сейчас Капа, встав на носочки и вытянув шею пыталась разглядеть из-за кустов, что именно не так. А потом поняла. Антенны! Ни на одной крыше не было телевизионных антенн. Да и столбов с протянутыми вдоль дороги проводами тоже не было. Капа попыталась вспомнить, когда придумали шифер, до лампочек Ильича и всеобщей электрификации или после? Но в ее багаже знаний такой информации не было. В принципе, не важно, есть здесь электричество или нет, если она сейчас находится в параллельном мире. Вполне возможно, что эта реальность вообще не заселена людьми. И мужик, у которого она очутилась в спальне, только сверху выглядит обычным лысым дядькой в майке-алкоголичке. Ноги-то у него были закрыты одеялом. Может, у него копыта и хвостик. Или вообще, щупальца. Капа представила себе толстяка

с щупальцами вместо ног и ей резко перехотелось идти в деревню.

— Ну что, попала? — От неожиданности Капа подпрыгнула и чуть не влетела в заросли крапивы. Сзади нее стоял совершенно не страшный старичок с удочкой на плече и большой корзиной в другой руке. Из корзины высовывались рыбки хвосты, прикрытые травой. В потрепанной коричневой куртке и закатанных до колен штанах дедок выглядел совсем безобидно. Капа покосилась на его ноги. Ничего необычного в них не было.

— Я говорю, попала, что ли? — повторил старичок вопрос. Капа закусила губу и кивнула. Говорить сил не было, горло сдавило и на глаза навернулись слезы. Наконец истерика ее догнала.

— Ну, ну, тихо, дуреха, — ласково сказал дедок и, поставив корзину на землю, подошел к Капе. Она только решилась рассказать ему свою невеселую историю, как вдруг старичок размахнулся и со всей силы ударил ее кулаком в лоб. Капа пошатнулась и полетела в темноту.

Очнулась Капа от пронзительного вопля будильника. В комнате было светло. Она лежала на своем любимом диване и все вокруг было таким родным, что Капа чуть не расплакалась от счастья. Все это был сон, только сон. Нужно как можно быстрее забыть весь этот бред и приниматься за обычные утренние дела. Капа села на постели и огляделась. Одежда лежала на полу, из под него выглядывала книжка с грудастой девицей на обложке. Будильник не замолкал, Капа потянулась к подоконнику, чтобы его заткнуть и в этот момент над ее головой что-то влажно чпокнуло и ей на колени свалилась большая скользкая рыба. Какое-то время они с рыбой смотрели друг другу в глаза. Капа с опаской дотронулась до ее холодного бока. Рыбина открыла рот, хвост ее слабо шевельнулся. Капа немного подождала. Говорить что-либо рыбина не хотела или не умела и не очень смахивала на Золотую рыбку из сказки. Чешуя на ее боку была обдрана, к плавнику пристала травинка. Занавеска на капиных коленях пропиталась влагой, узел давил на живот. Подарок неизвестного рыбака затрепыхался, норовья соскользнуть на пол. Капа перехватила поудобнее рыбу обеими руками и в этот момент в комнату вошла сонная

растрепанная Аська.

— Мама, почему ты меня не разбудила! Мама?! — Капа посмотрела в круглые от удивления Аськины глаза и поняла, что правду она детям рассказывать не будет ни при каких обстоятельствах.

— Это что, рыба? — Капа представила, как она сейчас выглядит, в занавеске, с грязными искусанными ногами, нежно обнимающая большую трепыхающуюся рыбину. Ей срочно нужно было придумать убедительную историю, чтобы не выглядеть полной шизофреничкой.

— А это дядя Вася из пятого дома поймал. Он на ночную рыбалку ездил. А рыбы получилось много, вот он мне позвонил на мобильник и поделился. Мы же его детям вашу одежду отдаем. И велосипед Родькин отдали, а он почти новый был. Только ты тете Тане ничего не говори и Славику с Катей. А то тетя Таня ругаться будет, что Вася все раздает. Ты же знаешь, она всегда на него ругается.

Капа несла всю эту чушь и с ужасом смотрела на удивленно поднятые Аськины брови. Дочь ей не верила, но так как взрослые по определению не врут, Ася вздохнула совсем как сама Капа, когда ловила своих школьников на вранье.

— А что ты с рыбой в постели делаешь? И что это за тряпка на тебе надета?

— А, эта? Да я халат не нашла, а Вася уже с порога позвонил, так я с полки схватила, что попало, а это кусок марли оказался. А потом голова так чего-то закружилась, хотела рыбине тазик налить в ванной, да так плохо стало, что я на кровать присела. — Капа заулыбалась, пытаясь понять, поверила Аська хоть чему-нибудь из ее сумбурного рассказа.

Ася пожалала плечами и с видом «мне все по фиг», побрела из комнаты.

— Я в ванную. Мам, ты блузку погладила?

— Подожди минутку, нужно для рыбы тазик налить. — Капе очень надоело нянчиться с рыбой, а дочь могла закрыться в ванной на целый час и достучаться до нее в это время не было никакой возможности. Капа швырнула желтый пластиковый тазик в ванну, положила туда рыбину и сняла со стойки шланг душа.

— О, какая рыбища! Откуда? Мама, а ты знаешь, что

мы на первый урок уже опоздали? — в ванную заглянул Родька. Его попыталась отпихнуть сестра и следующие пять минут в квартире раздавались вопли разъяренных команчи.

— Пусти, я первая!

— Обойдешься, ты там будешь целый час торчать, а мне только умыться!

— Придурок, ты мне ногу отдал!!

— А ты не толкайся!

Капа счастливо улыбнулась и пошла будить Леську с Яриком. Это был ее мир, ее семья. И никакие другие миры ей были не нужны.

* * *

Вечером того же дня Капа с остервенением драила холодильник. Дети давно спали, но Капа не хотела ложиться. Ее посетило очень редкое настроение, которое называлось «чокнутая домохозяйка». Капа уже вымыла пол и столы, перемыла и перетерла всю посуду, включая доставаемые только по праздникам хрустальные бокалы и салатницы, надраила плиту и микроволновку. И теперь с сожалением констатировала, что холодильник сияет и на кухне больше мыть нечего. Она уже собралась было перейти к кафелю в ванной, но потом со вздохом села на кухонную табуретку и решила себя больше не обманывать. На самом деле Капа просто до жути боялась лечь на диван, в давно расстеленную постель, выключить свет и закрыть глаза, чтобы заснуть. Ощущение тяжести во всем теле, которое тянет ее сквозь диван как сквозь стоячую воду в пруде ни в какую не хотело забываться. Капа понимала, что ей все равно придется с собой справиться и лечь спать, но заставить себя не могла. Может, привязать себя за ноги и за руки к кровати? Где-то на антресоли ей недавно встречался моток бечевки.

Собрав все свое мужество, с бечевкой в руке, Капа прошла в свою комнату. Раскрытая постель манила, соблазняла отдыхом и спокойным сном. Она ждала, когда Капа привяжет себя к дивану и уснет. И тут Капа поняла главную свою ошибку. Это в эротических фильмах героини в кружевном белье легко привязывают мускулистых героев к кованым спинкам кроватей, а потом начинают над ними издеваться

по-всякому. А у Капиного старого кургузого диванчика нет изящных кованых завитков на спинках. У него вообще никаких завитков нет. Капа отодвинула подушку и задумчиво заглянула в щель между диваном и спинкой. В принципе, можно исхитриться и протянуть веревки под креплениями. Сначала ноги привязать, потом одну руку, потом другую. На руках можно оставить веревки длиннее, чтобы удобнее было себя завязывать и развязывать. Она представила, как спит, привязанная бечевкой к кровати и утром входят дети. Нет, так нельзя. Нужно завести будильник и встать хотя бы на час раньше детей. Капа уже начала просовывать конец бечевки под крепление дивана, как вдруг ее сразила ошеломляющая мысль. А вдруг сегодня не ее очередь ходить в другой мир в гости? И ночью на нее с ответным визитом свалится давешний толстяк? А она вся такая готовая и привязанная. «Барышня легли и просят!» Или еще хуже. В прошлый раз ее с огромной силой протягивало сквозь диван. А вдруг веревки выдержат, а руки-ноги нет? И она таким неаккуратным обрубочком свалится к толстяку, а ее привязанные конечности останутся на родном диване? Утром входят дети... В общем, все серии «Пилы» ее домашнему видео даже в подметки не годятся.

Капа расстроилась и, зашвырнув веревку в ящик стола, вышла на кухню. Оставался единственный способ нормально заснуть. Напиться. Она вытащила начатую бутылку «Кагора», оставшегося с Нового Года, взяла чистейший хрустальный бокал и с мрачным видом начала пить. Через полчаса вино было уже на доньшке, а Капа сидела и вспоминала всю свою дурацкую жизнь. Ей было до слез себя жалко. Все ее детство было потрачено на войну с собственной матерью. Мама воспитывала дочку в лучших педагогических традициях. Дочка в ответ сопротивлялась, хитрила, а позже бунтовала со всем пылом юной души. В шестнадцать лет, когда нужно было получать паспорт, из чувства протеста и из вредности она поменяла имя. И стала из заурядной Светы Капитолиной, насмешив одноклассников, удивив учителей и сильно огорчив родителей. И упрямо держалась за свое новое имя, даже когда сверстники стали называть ее Капой вместо такого красивого и изящного имени Лина, а мама договорилась со знакомой паспортисткой про замену паспорта, чтобы вернуть себе дочь Свету.

Впоследствии она привыкла к Капе и имя прилипло к ней как вторая шкурка. Нелепая разнесчастная Капа. Она сделала еще один большой глоток из бокала и утерла набежавшие слезы. Даже в другой мир она не смогла попасть как следует. Во всех прочитанных ею книгах попаданки становятся принцессами или воительницами, получают магические дары и новое прекрасное тело. Все встречные-поперечные ими восхищаются, а эльфы и принцы влюбляются и зовут замуж. И у попаданок всегда есть магические животные, умеющие разговаривать. И только дурында Капа умудрилась свалиться на пожилого толстого дядечку, спереть у него занавеску, а потом бестолково прятаться в кустах, на радость местным комарам. Капа всхлипнула. И животное ей выдали совсем не волшебное, а самое обыкновенное. Капа все утро просидела на полу в ванной, наблюдая, как рыба лениво шевелит жабрами и разевает рот и так и не смогла заставить себя ее убить. Мысль о том, что она предложит детям на обед жареную иномирянку, вызывала у нее ужас.

Поэтому она затолкнула рыбу в пакет и выпустила в пруд в соседнем парке. А на обратном пути самым неприличным образом шарахнулась от какого-то старичка, который выгуливал в парке собачку. И долго сидела на скамейке, унимая дрожь в коленках.

А потом пошла в ближайший супермаркет и купила большого снулого толстолобика, прекрасно зная, что дети будут жаловаться на мелкие кости и доедать рыбу придется ей самой.

Дура ты, дура, Капа и жизнь у тебя была дурацкая. И мужья у тебя были идиоты, даром что оба художники. И все хорошее, что получилось из двух твоих браков — так это только дети. А из тебя даже художника не получилось.

Капа посмотрела на остатки вина в бутылке и допила прямо из горлышка. Выбросив бутылку в мусорное ведро, она побрела в комнату. В голове шумело и все вокруг расплывалось. Состояние было неприятное, настроение соответствующее. Но бояться сил уже не было.

— Так можно и алкоголичкой стать — подумала Капа и рухнула поверх одеяла. Свет она выключать не стала. Через несколько минут, когда Капа уже спала, он с тихим щелчком погас сам.

(Продолжение следует).